

УДК: 17.023.36

ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

И. А. Кумкин

В статье рассматривается гражданское согласие как претензия на базовое основание общества переходного периода. Рассматриваются основные характеристики гражданского согласия.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское согласие, идеология, общество переходного периода.

Актуальность статьи обусловлена кризисом государства, как авторитета власти, формы проявления которого носят разнообразный характер, в зависимости от конкретного единства реального субъективного фактора и наличных объективных условий, складывается идея гражданского согласия как возможности новой идеологии общества XXI века.

Если государство как субъект управления ориентировано на организацию жизнедеятельности людей, то процесс самоорганизации ориентирован на становление и развитие сообщества свободных людей, связанных чувством взаимной симпатии и согласия, что сильнее и кровных уз, и территориальных связей [15].

Базовыми ценностями самоорганизации выступают свобода и формальное равенство, солидарность и справедливость, благожелательность и взаимодоверие, уважительное отношение к чужой жизни. Эти ценности и составляют основу для становления гражданского согласия, как производного от идеи гражданского общества. Среди исследователей идеи гражданского общества можно назвать Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и Г. Гегеля, Э. Геллнера, Р. Рорти, Т. Эггертона, Р. Дарендорфа и других.

Объектом исследования в статье является гражданское согласие. **Предметом** исследования претензия гражданского согласия на базовое основание идеологии общества переходного периода. Основной **целью** работы является рассмотрение гражданского согласия и его рассмотрение как идеологии общества переходного периода.

Как уже было отмечено, идею гражданского общества можно рассматривать в качестве ответа на исторический вызов в форме новой проблемной ситуации. Эта ситуация возникла по мере развития индустриального общества, заявив о себе кризисом института государства [34]. Анализ работ мыслителей Нового времени свидетельствует о двояком отношении к заявленной идее. Она рассматривается либо с ориентиром на ее осуществление в форме социального проекта, либо с ориентиром быть идеологией подготовки буржуазных революций в Европе XIX века. Практика свидетельствует, что идея гражданского общества была задействована и в первом, и во втором варианте [11, 17, 18, 19, 24, 8, 14, 10].

Осуществление идеи гражданского общества как сообщества вольных граждан, проявление их социальной активности обеспечило не только реализацию принципа дополнительности по отношению к государству, но и создало особое противоречие на уровне индивида [1]. Индивид одновременно оказался в двух ипостасях. Он выступает как физическое лицо, как объект внимания, заботы и манипулирования; как подданный государства. Но он заявляет о себе и как юридическое лицо, как субъект социальной активности; как представитель гражданского общества.

Как подданный, индивид отчужден от власти бюрократии. Но как гражданин он компенсирует свою отчужденность через включенность в определенную группу интереса, где торжествует диалог, согласие и взаимное доверие, а также надежда на справедливость [16].

В рамках гражданского общества свобода проявляется не так, как в границах государства. Индивид заявляет о себе, что он существо автономное и суверенное. Он равный среди равных, ибо люди по своей воле объединились в сообщество, где мера свободы несоизмеримо выше. Гражданское общество складывается как естественная форма оппозиции монополю авторитету власти. Его нормой является тотальное подчинение индивида договорным отношениям. Только в этом обществе индивид становится субъектом подлинной свободы, юридическим лицом.

Гражданское общество складывается там, где созрели предпосылки компромисса и толерантности, диалога и мировоззренческого плюрализма, где формируется совокупность общественных интересов, способных противостоять политической экспансии государства, сдерживать его стремление к превращению в систему самообеспечения. Возникновению этого общества способствовала и культура индустриального общества с ориентиром на репродуктивную деятельность [2]. В рамках этой культуры индивид обретает возможность не только избрать профессию, но и освоить ее на теоретическом и практическом уровне. Он может сменить свои ценностные ориентиры и обрести новый социальный статус и принадлежность к новой социальной группе, заявив о себе, что он не раб, а господин своей воли, даже если она имеет определенные ограничения.

Появление гражданского общества, как справедливо отмечает Э. Геллнер, размыкает связь социальной жизни и авторитета власти. В отличие от государства гражданское общество не претендует на статус священного института. Оно изначально аморфно и плюралистично, самоиронично и самокритично [9]. В этом обществе индивид получает возможность большего выбора вариантов своего бытия, что не исключает, а предполагает ответственность за этот выбор и способность к диалогу с «другим», готовность к поиску согласования и согласия. В условиях абсолютного авторитета власти, тоталитарного режима индивид не выбирает свое бытие, а получает его [20]. Речь идет не об исключении из правила, а о самом правиле, о возможностях, которые дарит ему общество, и о том, что может предложить без каких-либо оговорок авторитет власти в лице государства. Этим, в первую очередь, объясняется претензия идеи гражданского общества быть идеологией в условиях смены ценностных ориентиров переходного периода от традиционного общества к индустриальному.

Метод единства исторического и логического, примененный к анализу заявленной проблемы свидетельствует, что первоначально идея гражданского общества рассматривается и как идеология, и как социальный проект исключительно в позитивном плане. Этому способствовала парадигма антропоцентризма и устойчивая вера в возможности человеческого разума. В последующее время интерес к идее гражданского общества ослабевает. Парадигму «панрационализма» замещает философский плюрализм. Идея гражданского общества, как идеология Нового времени выполнила свое назначение быть базовым основанием ценностей индустриального общества. Интерес к идее гражданского общества ослабел еще и потому, что она, как социальный проект, получила частичное осуществление в Европе и Америке.

Ныне идея гражданского общества получает второе рождение в связи с событиями 80-х годов, когда завершилось «холодное противостояние» Запада и Востока, капитализма и социализма. Если судить по литературе, посвященной идее гражданского общества и ее осуществлению в новых условиях, она не получила однозначного «прочтения» [5]. Хотя ясно одно, речь идет не о реанимации идеи, которую разрабатывали мыслители Нового времени в условиях переходного периода от традиционного к индустриальному обществу. Речь идет о новом качестве идеи и ее производных: гражданских ценностей, гражданского согласия, гражданских инициатив в условиях постиндустриального общества, перехода к информационному обществу. Поиск согласия и решение проблемы интеграции народа, обеспечения его соборности, осуществления диалога культур становится более значимым, чем ставка на достижение локальной солидарности своих и дистанцирование от чужих, что было характерно для осуществления идеи гражданского общества в прошлом [3, 23, 13].

Новое качество гражданского общества определяется рядом факторов современности. В условиях осуществления концепции глобализации существенно изменяется статус государства. Оно передает часть своих полномочий международным центрам управления, а часть полномочий делегирует местному самоуправлению, которое не столько управляет жизнью общества, сколько организует жизнедеятельность людей на региональном уровне. Корректировка системы координат общественного развития за счет усиления коммуникаций по горизонтали и ослабления власти по вертикали выдвигает на повестку дня вопрос о необходимости освоения новых условий. В ближайшем прошлом гражданское общество выступало оппонентом государства, ограничивало его претензии на тоталитаризм, иногда было существенным дополнением государства. Ныне оно может достичь той степени зрелости, когда не государство и гражданское общество, а гражданское общество и государство будут обеспечивать регламент жизнедеятельности людей с последующей трансформацией авторитета власти в новое состояние власти, базовое основание которой составит гражданское согласие [25].

Гражданское согласие – это больше чем одно из условий общественного развития. Это базовое основание идеологии общества в условиях переходного периода, когда актуализируется проблема выживания с ориентиром на средства

самоорганизации. Осуществление этой идеологии позволит оптимальным способом решать проблему единства, которую сформулировал еще древнегреческий мыслитель Платон.

В классическое, традиционное или в индустриальное общество возврат противопоказан. Люди могут двигаться только к сообществу с ориентиром на осуществление гражданского согласия и готовностью преодолевать издержки индустриального и информационного общества. В противном случае человечество не имеет будущего. Можно лишь отчасти согласиться с тезисом Э. Геллнера о том, что «идею гражданского общества реанимировали, извлекли почти из небытия» [9]. Субъективный интерес к этой идее и ее осуществлению обусловлен новыми объективными обстоятельствами развития человечества в XXI веке. Страдает природа, усугубляются глобальные проблемы, ощущается необходимость выхода из тупика формальной рациональности. Поиск выхода из этого тупика, начатый в третьей четверти XX века, вызвал к жизни:

- деятельность Римского клуба, его основательные доклады о том, что нужно делать, чтобы выжить;
- партию «зеленых»;
- концепцию «золотого миллиарда»;
- новую стратегию и тактику геополитики однополюсного мира.

Не все в этом «джентльменском наборе» вызывает доверие. Более того, этот «набор» косвенно свидетельствует о том, что антропоцентризм и европоцентризм исчерпали себя. Нужна новая парадигма развития человечества в третьем тысячелетии. И таковой может стать парадигма коэволюции системы «природа, - общество, - человек» с ее принципами паритета, а не приоритета, диалога, а не монолога; поиском точек соприкосновения, а не противостояния.

Первым шагом к осуществлению этой парадигмы может стать гражданское согласие как базовое основание идеологии переходного периода в условиях, когда старые ценностные ориентиры не работают, а новая шкала ценностей еще не сложилась; когда на порядки возрастает необходимость мудрого и взвешенного учета общих интересов, принимая во внимание право на них не только отдельного народа, но и право отдельного человека.

В свое время А. И. Герцен предсказывал нашествие «Чингисхана с телеграфами» [31]. Это предсказание оправдалось с лихвой. Родившись в недрах Европы, новый разрушитель обрушился на мир танками и самолетами, концлагерями и газовыми камерами. И виной тому не отдельный народ, а духовная болезнь «молчаливого большинства» [6]. Это молчаливое большинство снисходительно, терпимо и даже благосклонно восприняло и адаптировало доктрину «Германия превыше всего», пережило тоталитаризм советской системы. И это при том, что это «молчаливое большинство», которое превращает идеи в материальную силу, еще «вчера» ориентировалось на общепризнанных представителей гуманизма и таких наставников человечества как И. Кант и И. Фихте, Г. Гегель и Л. Фейербах, И. Гете и Г. Лессинг, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

Ныне, когда в мире обозначилась необходимость очередного «впадения в варварство», возникает возможность появления очередного «Чингисхана», но уже с «сотовым телефоном» [30].

И чтобы эта негативная возможность не стала реальностью, общество должно противопоставить авторитету власти новое качество власти, сделав ставку на идею гражданского согласия. Это особенно важно в условиях очередного исторического вызова, который ждет достойного ответа.

Решение любой проблемной ситуации начинается с идеи возможности ее разрешения и эта идея должна быть проработанной во всех отношениях. Как правило, выдвижение и обоснование этой идеи принадлежит интеллектуальному меньшинству. Но значимость ее, а также ее дееспособность находится в зависимости от того, насколько она будет адаптирована консервативным большинством. Если предложенная идея получит свою «прописку» на уровне обыденного сознания, если она станет его принадлежностью, тогда она заявит о себе как объектированное коллективное сознание, материальная сила, демонстрирующая готовность к коллективному действию.

В пользу идеи гражданского согласия и гражданских инициатив свидетельствует исторический опыт. Этот опыт подтверждает, что новое – это подчас хорошо забытое старое, но применимое к новым условиям. И если этот опыт дает надежду на положительный результат, то он должен быть востребован.

Идея гражданского согласия, как базовое основание новой идеологии в условиях неопределенности переходного периода, имеет свои экономические, политические, социокультурные и правовые предпосылки.

Экономические основания идеи гражданского согласия составляет «экономический человек», субъект собственности. Только через собственность как наличное бытие и объективированную субъективность, индивид может проявить социальную активность и заявить о себе в качестве субъекта гражданского согласия. Только через собственность своего бытия индивид может выразить несогласие быть объектом манипулирования, быть средством к осуществлению сомнительных целей. Только через собственность человек (индивид) может инициировать гражданские инициативы. Собственность индивида – это не вещи, ему принадлежащие. Это сам человек в его свободном отношении к миру. Атрибутивной характеристикой собственности человека является его воля. Как только индивид оказывается заложником чужой воли, он может быть чем угодно, только не человеком. Заложник чужой воли не является субъектом собственности. Он – объект собственности, чужая собственность, средство и инструмент «другого».

Таким образом, благополучие индивида, его самовыражение и самоосуществление в формате свободного проявления воли, заявляет о том, что только «экономический человек» может быть субъектом гражданского согласия [33, 27].

Политические основания идеи гражданского согласия составляет «политический человек», субъект политического сознания и соответствующей политической культуры. Политику обычно толкуют как концентрированное отражение экономики в сознании «экономического человека». Взаимодействие

экономики и политики достаточно сложный процесс*. Экономические интересы нуждаются в своем закреплении - через политику [32].

Как уже было, отмечено борьба за власть начинается с противостояния идей, а потом и противостояния людей. Консолидация людей в социальные образования начинается с осознания ими своего места в обществе, своих коренных интересов и общих целей. Такое осознание зарождается в стихии повседневной жизнедеятельности людей на базе чувственного восприятия и переживания своей жизнедеятельности, с последующим оформлением этого эмоционального переживания в политическое сознание, где воля к жизни уступает место воле к власти над обстоятельствами. Отражая включенность в проблемные ситуации, а также опыт познания и самопознания, политическое сознание выступает инструментом социальной регуляции. Обыденное систематизируется, анализируется и обобщается на уровне теоретического. Из обыденного политического опыта вычленяются идеи оптимального решения проблемных ситуаций, границы которых далеко выходят за практику индивидуальности. Через освоение массовым сознанием этих идей, они обретают статус и силу идеала, становятся фактором общественного развития. По этой модели шло становление и идеи гражданского согласия. Экономический человек через свое политическое измерение заявляет о том, что он может быть субъектом гражданского согласия и гражданских инициатив.

Социокультурные основания идеи гражданского согласия составляет «социальный человек», субъект определенной культуры и цивилизации, носитель определенных обычаев и традиций, участник публичной сферы жизни общества, где формируется отношение «Я и другой», оформляется солидарное «Мы», обусловленное общими интересами, принадлежностью к общей культуре [28, 21, 7].

Этот процесс упорядочивает обыденные отношения, снимает антогонистическое противоречие в системе «Я и другой», блокирует механизм перманентной «войны всех против всех». Единое социокультурное пространство позволяет: найти точки соприкосновения; обнаруживает общие интересы; обеспечивает «узнаваемость» своих; включает механизм социализации; формирует культуру диалога, компромисса и толерантности.

Содержание различных процессов в социокультурном пространстве подтверждает действие закона социальной имитации, когда поведение одних групп адаптируется другими социальными образованиями, а в конечном итоге всем обществом [10]. Но на практике все выглядит довольно противоречиво. Интеллектуальное меньшинство наиболее остро реагирует на то, что есть. Оно критикует настоящее и вырабатывает неопределенные проекты будущего, демонстрируя желание преодолеть настоящее и расстаться с прошлым. Неопределенность будущего, как правило, несет на себе печать иллюзий и возможность заблуждений. Об этом свидетельствует весь исторический опыт человечества. К этому следует добавить естественное желание сохранить сложившиеся отношения того, что располагает к психологическому комфорту.

* Политика – это не только искусство управлять, но это и средство борьбы за власть.

Консерватизм сознания «молчаливого большинства» является тормозом осуществления инновационных проектов. Но одновременно консерватизм обеспечивает естественный тест, отсеивающий заблуждения от истины. Непросто складываются новые формы социума. Непросто выстраивается взаимосвязь, взаимодействие людей в рамках культуры социальной деятельности [29]. Это свидетельствует об особой значимости идеи гражданского согласия, особенно в условиях переходного периода общества политического плюрализма, полиэтничности и конфессионального многообразия.

Правовые основания идеи гражданского согласия составляет «суверенный человек», субъект правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Ключевые ценности права, ныне воплощающие вершину нормативной пирамиды общества, сложились в ходе длительного процесса становления социальной регуляции, истоки которой начинаются с утверждения в общественной жизни норм «табу» и «талиона» [4, 26].

Основная жизнедеятельность людей протекает в малых социальных образованиях: в семье, трудовом коллективе, клубе, общественной организации и т. д. В этих образованиях деятельность государства, как правило, недооценивается или воспринимается как насилие, за которое еще надо и платить, отдавая налоги на содержание чиновников от власти. Поэтому отношение индивида к государству, в лучшем случае, безразлично.

Таким образом, в условиях современного общества актуальной остается проблема взаимосвязи личного и общественного. Похоже, она под силу только единству вертикали и горизонтали власти; единству правового государства и гражданского общества. Главная задача этого единства заключается в том, чтобы согласовать и определить полномочия государства и гражданского общества в деле нормирования и обеспечения свободы индивида.

Малые социальные образования не без основания претендуют на статус «полуавтономных социальных сфер» [12]. В этих сферах, как правило, торжествует солидарность и надежда на справедливость. Они предрасположены к диалогу, толерантности и компромиссу, а стало быть, и к утверждению гражданского согласия, базовые основания которого включают волю к жизни, формальное равенство и надежду на справедливость. Регулируя жизнедеятельность своих членов, эти «полуавтономные сферы» выполняют роль связующего звена между индивидом и государством. Но по своей значимости эти «сферы» больше чем посредник. В пределах «сферы» люди согласовано решают свои проблемы с ориентацией на солидарность и справедливость своего окружения. Заявленные ценности в «полуавтономных социальных сферах» не декларируются, а осуществляются, так как «сфера» выступает не столько в качестве организации, сколько в статусе самоорганизации. Что касается государства, то оно как субъект управления берет на себя общие обязательства, не вникая в частную жизнь своих подданных. На основе осуществления идеи гражданского согласия складывается принципиально новая конструкция социальной системы, в которой отношения индивида и государства опосредованы представительством «полуавтономных социальных сфер». Они создают предпосылки осуществления идеи гражданского

согласия, а посему и выполняют подлинное предназначение. Что касается государства, то оно, как главная правовая инстанция, обеспечивает диалог «сфер» (сообществ), предоставляя им полномочия по решению внутренних проблем. Примером таких «сфер» может быть семья, добровольное общество, клуб, местное самоуправление, этнокультурное сообщество, конфессия и т. д. Каждая из этих «сфер» имеет свою специфику и свои возможности социальной регуляции жизнедеятельности своих членов, но их объединяет стремление на востребованность и осуществление идеи гражданского согласия.

Заявленная конструкция социума имеет свою перспективу, так как позволяет обеспечить регламент публичной и частной жизни, создав предпосылки взаимосвязи общественных и индивидуальных интересов. Но в этой конструкции существует опасность превращения норм отраслевого права в подобие конвенции, что противоречит сущности права и ставит под сомнение суверенитет государства [22]. В таких опасениях есть определенное основание, если нарушается равновесие полномочий гражданского общества и государства.

Выводы: Идея гражданского согласия имеет свои экономические, политические, социокультурные и правовые основания. Они свидетельствуют, что претензия идеи гражданского согласия на статус идеологии в условиях переходного периода для современного общества вполне правомерна.

Как производная идеи гражданского общества, идея гражданского согласия ориентирована на интеграцию общества в условиях общего процесса глобализации мира, а также тех трансформационных процессов, которые протекают в современном обществе.

Через гражданское согласие люди разного пола и возраста, различной национальной и конфессиональной принадлежности обретают идеологическое единство, возвращающее их к истокам ойкумены, где человека не выбирают, а принимают таким, как он есть. Но это «возвращение» возможно только в условиях оптимального диалога людей, взаимосвязи «полусфер» и взаимодействия правового государства и реального гражданского общества.

Список литературы

1. Арэнд Х. *Vita active*, или о деятельной жизни. – СПб., 2000. – С. 124-141
2. Асланов Л. А. *Культура и власть*. – М., 2001. – С. 148
3. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. – М., 1999 – 786с.
4. Бентам И. *Введение в основания нравственности и законодательства*. – М., 1998 – 575 с.
5. Бессонов Б. Н. *Гражданское общество: современные критерии*// Проблемы развития государственности. – Омск, 2003. – С.113 - 147
6. Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства*. - Екатеринбург., 2000. – С.128 – 196.
7. Бубер М. *Я и Ты*. – М., 1993 – 173с.
8. *Будь лицом: ценности гражданского общества*. В 2т. - Томск, 1993 – 258с.
9. Геллнер Э. *Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники*.- М., 1996. - С. 105
10. *Гражданское общество: истоки и современность*. - СПб., 2006. – С. 136 - 138
11. *Гражданское общество: теория, история, современность*. - М., 1999 – 255с.
12. Гриффитс Д. С. *Правовой плюрализм и социальное действие права* // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 1995. №3 с. 9-14

13. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 1969 – 480с.
14. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. - М., 1998 – 284с.
15. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт написания ключевых политических понятий. - М., 1997. – С. 158 – 170
16. Каган М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. - М., Политиздат, 1988. – С. 292 - 295
17. Канетти Э. Масса и власть. - М., 1997 – 527с.
18. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке.- М., 1998 – 784с.
19. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - СПб., 1998
20. Маслоу А. Психология бытия. – М., 1997. – С. 168-172
21. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973 – 406с.
22. Мюнх Р. Социологический анализ новой диалектики и динамики развития глобального информационного общества// Социология на пороге XXI века. 3-е издание. - М., 1999, С.51-60.
23. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999 – 205с.
24. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. - М., 1996 – 130с.
25. Рудина Н. А. Гражданское общество и государственность: единство и противоречия// Проблемы развития государственности. - Омск, 2003. – С.148 - 152
26. Смит А. Теория нравственных чувств. – М., 1997; Кальной И. И. Философия права. – СПб, 2006
27. Соколова Н. Г. Экономическая социология. – М., 2000 – 347с.
28. Тенденции и перспективы социодинамики. – М., 1999 – 206с.
29. Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991. – С. 271 - 283
30. Тоффлер Э. Личность будущего// Тоффлер Э. Третья волна. – М., 1999. – С. 599 - 617
31. Франк С.Л. Свет во тьме. - М., 1998. - С.33
32. Ханипов А. Т. Интересы как форма общественных отношений. – Новосибирск, 1987. – С. 86 - 88
33. Шрадер Х. Экономическая антропология. – СПб., 1999 – 408с.
34. Эггертон Т. Экономическое поведение и институты. – М., 2001. – С. 154

Кумкін І. О. Громадянська злагода як претензія на базову основу ідеології суспільства перехідного періоду.

У статті розглядається громадянська злагода як претензія на базову основу ідеології суспільства перехідного періоду. Розглядаються основні характерні чорти громадянської злагоди.

Ключові слова: громадянське суспільство, громадянська злагода, ідеологія, суспільство перехідного періоду.

Kumkin I. A. Civil consent as claim on the basic ideology intermediate stage society.

The article considers the civil consent as claim on the basic ideology intermediate stage society. And the article considers the basic description of the civil consent.

Key words: civil society, civil consent, ideology the intermediate stage society.

Поступило в редакцію 23.11.2007